

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩАЯ СИЛА ИДЕЙ КАНТА*

А.Н. СОКОЛОВ, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедр государственно-правовых дисциплин КЛЮИ МВД России и Калининградского пограничного института ФСБ Российской Федерации

Конституция Российской Федерации (ст. 1) провозглашает Россию правовым государством. Однако – это стратегическая программа на длительный период. Россия сегодня находится на переходном этапе от тоталитаризма к демократическому правовому государству. Думается, что по своей продолжительности переходный период охватит не одно поколение россиян. Вместе с тем для нашего общества весьма актуально высказывание, сделанное известным юристом С.А. Котляревским еще в начале XX века: «Идея правового государства вошла в обиход современных цивилизованных обществ и убеждение, что государство должно принять облик правового, остается непоколебимым». Эта уверенность базируется на жизнеутверждающей силе идей И. Канта.

Вопрос о приоритете Канта в разработке идеи правового государства не раз поднимался немецкими учеными. Однако его ведущую роль в создании учения о правовом государстве подчеркивают и ведущие государствоведы Германии нашего времени И. Изензее и П. Кирхоф. «Самое отчеканенное обоснование, – пишут они, – идея правового государства получила у Канта (также и понятие правового государства тотчас доказуемо)» [1, с.17].

К сожалению, нередко в российской специальной юридической литературе в качестве «крестного отца» понятия правового государства (1832 г.) называется Роберт фон Моль (1799–1875 гг.), преподаватель права в Тюбингенском университете, автор многочисленных трудов, в том числе и по полицейскому праву. Но сам Моль, как явствует из анализа немецкой юридической литературы XIX века, уступает это первенство со ссылкой, что понятие заимствовано им у других и называет некоторых ученых того периода. Ряд немецких исследователей аспектов правового государства в качестве источников его первоначального понятия называет И.В. Плацидуса (И.В. Петерсен, 1798 г.), А. Мюллера (1809 г.), К.Т. Велькера (1813 г.) и И.К. фон Аретина (1824 г.).

Тем не менее, уже упомянутые ведущие государствоведы ФРГ И. Изензее, П. Кирхоф, Э.-В. Бёкенфёрде, а также известные немецкие ученые К. Полак и Р. Майстер с фактами в руках доказывают, что именно Э. Кант был «отцом» идеи «правового государства».

Автор статьи прошел тем же путем исследования и анализа немецкой юридической литературы XVIII и XIX веков, что и вышеназванные ученые Германии, и полностью согласен с ними

в установлении «пальмы» первенства И. Канта по введению в немецкую философию и науку о государстве понятия правового государства и его идеи. При внимательном анализе ряда работ Канта этот тезис легко получает соответствующие аргументы в свою пользу. Ведь и профессор И. Изензее и профессор П. Кирхоф подчеркивают, что понятие правового государства у Канта легко доказуемо. В связи с этим обратимся к работам Канта.

Так, в своей работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784 г.) Кант отмечает, что «величайшая проблема для человеческого рода ... *достижение всеобщего правового гражданского общества*» (подчеркнуто *авт.*) [2, с.12]. Здесь же Кант говорит об обществе, в котором максимальная свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением, как о совершенно справедливом гражданском устройстве. А в работе «Метафизические начала учения о праве» (1797 г.) им проводится мысль об изменении правления в государстве так, «чтобы оно по своему действию согласовалось с единственно правомерным строем, а именно со строем чистой республики, и чтобы старые эмпирические (структурные) формы, которые служили лишь тому, чтобы способствовать покорности народа, превратились в первоначальную (рациональную) форму – единственную, *делающую свободу принципом, более того условием любого принуждения, которое необходимо для правового государственного строя в подлинном смысле этого строя... Это единственный прочный государственный строй, при котором закон самодержавен и не зависит ни от какого отдельного лица*» (подчеркнуто *авт.*) [3, с.267].

* Статья поступила в редакцию 29 июня 2007 года.

Как видим, и по времени публикации и по отточенности понятия правового государства пальма первенства принадлежит именно И. Канту. Что касается словосочетания самого термина «правовое государство» (немецкое – Der Rechtsstaat), то его Кант действительно не употребляет. Однако по существу дела, смысловой, сущностной, содержательной разницы между «правовым государственным строем» и «правовым государством» фактически нет.

Современные немецкие исследователи источников правового государства периода раннего германского либерализма склоняются к мысли, что именно термин «правовое государство» впервые употребил ученый К.Т. Велькер в 1813 году [4, с.25], затем в 1824 году оно прозвучало в произведении И.Х. фон Аретина [5, с.163] и затем в 1829 году (а не в 1832 г., как пишут известные отечественные ученые-юристы) Роберт фон Мольте ввел его в общий государственно-правовой и политический оборот [6, с.8].

Приведенный нами анализ специальной юридической литературы первой половины XIX века в Германии воочию подтверждает вышеприведенные умозаключения. Более того, подтверждение первенства Канта в разработке идеи правового государства находим и у русских юристов XIX и XX веков. Так, приват-доцент П.И. Новгородцев в 1898 году в своих лекциях «История новой философии права (немецкие учения XIX века)» отмечает: «Кант полагает новые начала развития и определяет направление юридико-политической мысли XIX века» [7].

Кроме П.И. Новгородцева, концепция правового государства активно развивалась в трудах дореволюционных русских юристов Г.Ф. Шершеневича, В.М. Гессена, Н.М. Коркунова, С.А. Котляревского, Б.А. Кистяковского и других. В частности, Г.Ф. Шершеневич называл три главных критерия правового государства: господство права в управлении государством; государство должно ограничиваться охраной субъективных прав личности, предоставляя в остальном простор ее инициативе; принцип разделения властей. С.А. Котляревский поддерживал идею обоюдной ответственности государства и личности, принцип разделения властей, а также существование независимого, пользующегося доверием, народного суда.

Кант ввел в немецкую философию и науку о государстве понятие правового государства и его идею. Это явилось определяющим на последующие столетия как в теоретико-концептуальном, так и в прикладном, практическом плане.

В современных условиях нами дается четкое определение теории правового государства: «Теория правового государства – это синтез идей и концепций о его природе, сущности, признаках, принципах, функциях, как государства, в котором

во всех сферах общественной жизни господствует право [8, с.22]. Она является закономерным результатом цивилизованного развития учения о государственности в аспекте человеческого измерения и общественной справедливости. В эту теорию самый весомый вклад внес И. Кант, который дал не только развернутое понятие «правового государства», раскрыл и обосновал его идею, сущность как господство права, верховенство правового закона во всех сферах общественной жизни, но также назвал и обосновал его принципы, как несущие конструкции.

В плане духовных основ идеи правового государства И. Канта следует рассмотреть, прежде всего, такие его работы, как «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784 г.), «Об известной поговорке «Это может быть верно в теории, но не годится для практики» (1793 г.), «К вечному миру» (1795 г.) и «Метафизические начала учения о праве» (1797 г.).

В соответствии с «чистыми принципами права», Кант в качестве формы правового государства рассматривал «государство в идее» как *«объединение множества людей, подчиненных правовым законам»* (подчеркнуто авт.) [3, с.232–234]. «Гражданское устройство, – отмечал он, – есть отношение между людьми, которые, однако (без ущерба для свободы их объединения с другими как целого), подчинены принудительным законам» [3, с.78]. Законы же, по Канту, это то, что служит государству «руководящим началом».

От работы к работе, по нарастающей, Кант проводит идею господства права, верховенства правового закона в жизни народа, общества, государства, а в произведении «К вечному миру» (1795 г.) он прямо подчеркивает *«необходимость того, «чтобы право получило, в конце концов, верховную власть»* [2, с.286]. Поэтому *«благоденствие граждан и их счастье, а «высшая степень согласованности государственного устройства с правовыми принципами»* [3, с.240].

Таким образом, *«ядром мировоззрения Канта о правовом государстве служит связанность и ограничение государства правом, правовым законом. Эта гениальная идея о господстве права призвана проводить разум посредством права в совместную жизнь людей и народов и тем самым служить вечному миру. В данном смысле идея И. Канта созвучна идее, высказанной еще Аристотелем, о том, что «право – это уравновешенный разум».*

Помимо выводов о необходимости господства права, верховенства правового закона, в идее Канта на первый план также выступает положение об ограничении всеохватывающего вмешательства

государства во все области частной жизни, как одно из главных условий образования и существования правового государства. Здесь ученый высказывает свое требование нравственной автономии личности. Как должна быть устроена, по Канту, государственная власть, истинно-справедливая, согласованная с разумом? «На это не может быть иного ответа, кроме того, который определяется принципом автономии. Необходимо сочетать верховную власть со всеобщей свободой самоопределения, порядок и дисциплину – с самозаконностью и равенством.

«Гражданское состояние, – отмечает Кант, – рассматриваемое только как состояние правовое, основано на следующих априорных принципах:

1. свобода каждого члена общества как человека;
2. равенство его же с каждым другим как подданного;
3. самостоятельность каждого члена общности как гражданина.

Эти принципы не столько законы, которые дает уже образовавшееся государство, сколько законы, единственно на основании которых и возможно образование государства в соответствии с исходящими из чистого разума принципами человеческого права вообще» [3, с.79].

Атрибут гражданской самостоятельности, по Канту, – быть обязанным своим существованием не произволу кого-то другого в составе народа, а своим собственным правам и силам как члена общности, следовательно, в правовых делах гражданская личность не должна быть представлена никем другим [3, с.234].

Кантовский «атрибут гражданской самостоятельности» исключительно актуален для формирующегося гражданского общества как в России, так и в других странах СНГ. В современных условиях необходимо дать обществу полную свободу для самовыражения, самореализации каждого его члена. Конкретные производственные задачи государство не должно решать. Оно должно лишь направлять, корректировать развитие экономически, действуя при этом сугубо экономико-правовыми (налоги, льготы и др.), а не административными методами.

В связи с необходимостью реализации «атрибута гражданской самостоятельности» Канта в наших условиях, как это было давно сделано во многих цивилизованных странах, в России и других странах СНГ следует отрешиться от марксистской догмы, что якобы правительство считает себя ответственным за то, чтобы кормить и одевать все общество. Это, в принципе, не верно, да в современных условиях практически и невозможно. Общество должно кормить и одевать себя само. Прав Кант, говоря, что гражданин должен «быть обязанным своим существованием и содержанием не произволу кого-то другого в составе

народа, а своим собственным правам и силам как член общности». Конечно, в условиях еще недостаточного развития рыночной экономики, в период перехода от тоталитаризма к либерально-демократическому обществу государство в России просто обязано помочь рядовым гражданам с обеспечением их работой, занятостью, да и в некоторых других сферах жизни.

Вместе с тем давно пора скорректировать и социальную политику, что также тесно связано с кантовским «атрибутом гражданской самостоятельности». Помогать всем, кому трудно, невозможно. Самым высокоразвитым государствам это не под силу. Помогать следует только в исключительных случаях очень узкой категории лиц, т.е. только самым незащищенным и беспомощным. Всем остальным, как у Канта, – полная свобода самим позаботиться о самих себе.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в России пока, к сожалению, в широком массовом сознании превалирует этатистский тип социальности, и формирующееся гражданское общество, несомненно, несет в себе специфические черты этого типа. Данный тип социальности формирует статусное общество, которое дает людям ощущение стабильности и безопасности (к чему привыкли в России), отличаясь этим от «модульного» общества (характерного для рыночного типа социальности) с присущим его гражданам чувством незащищенности и нестабильности. «Динамическая экономика несовместима с тотальной централизацией большевистского типа, она, наверно, может ужиться с более плюральным, свободным, хоть и несомненно общинным духом» [9, с.202].

Если спрашивать о сущности понятия правового государства в плане интереса индивида, личности, то по Канту, эта сущность заключается в том, что государство находит свое «Ради чего?» (только в большей степени) в обеспечении свободы собственности граждан; что его цель составляет способствование благу отдельного гражданина и только это составляет его характер, как служба «общественным интересам. Так, в своей поздней работе «Спор факультетов» (1798 г.) Кант как бы подводит итоги, провозглашая: «... политическое мое и твое состоит из свободы и собственности, где свобода как условие необходимо должна предшествовать собственности» [2, с.334].

Как видим, субстанция человеческого бытия перемещается у Канта из области публичного и общего в область частного, индивидуального, на которое государственное начало оказывает функциональное влияние. Вместо ориентации на внеличностные блага (как в СССР – стремление к «светлому будущему – коммунизму») в силу вступает самовыражение индивидуальной субъективности как смысл государственно-общественного

порядка. Гражданам, приобретающим собственность и владеющим ею, характер правового государственного порядка конституируется в результате того, что создаваемые государством предпосылки этого самовыражения лежат в гарантии свободы и собственности (но не в социальном равенстве или в уравниловке, как при социализме).

Действительно свобода и собственность тесно связаны и взаимообусловлены. Поясним это на конкретном примере. Как известно, имеются два способа хозяйствования: свободный труд заинтересованного человека и рабский труд человека принуждаемого, подневольного. В результате поглощения государством гражданского общества (это имело место во всех тоталитарных государствах, в том числе и в СССР) в экономике исчезает свободный, компетентный и ответственный хозяин, в политике – свободный, самостоятельный, активный гражданин, в духовной сфере – свободный творческий ум. То есть перекрываются живые источники, питающие не только гражданское общество, но и само государство. Лишенная живительных соков тоталитарная система в конце концов иссыхает и разваливается под собственной тяжестью. Ущерб, причиненный таким образом гражданскому обществу в России, огромен, вплоть до основательного разрушения генофонда многонационального народа России. Чтобы восполнить этот ущерб, нужен труд не одного, а многих поколений. Достаточно сказать, что с «легкой руки» Я.М. Свердлова (главы ВЦИК РСФСР) после октября 1917 года было репрессировано 4,5 млн казаков [10, с.19], а в период массовой коллективизации (1929–1932 гг.) было репрессировано 9,5 млн лучших крестьян (цвет крестьянства) под лозунгом «ликвидации кулачества как класса». Из них свыше 3 млн погибло в «архипелаге ГУЛАГ».

В свое время известный дореволюционный юрист Б.А. Кистяковский в период первой русской революции с поразительной пронизательностью указывал на опасность авторитарных мер, использование которых не исключено при построении в России нового социалистического строя. «Часто утверждают, – писал он, что социалистическое государство, сделавшись единственным и всеобщим работодателем, превратится в деспотическое государство, и что оно по необходимости должно уничтожать личную свободу, как бы оно ни было демократически организовано. Его даже прямо называют «грядущим рабством», и многие думают, что оно превратит современное свободное общество в военные поселения и казармы» [11, с.495]. Б.А. Кистяковский не отрицал такой опасности. Он видел в ней одну из проблем как социалистического, так и капиталистического общества. Поэтому кантовские «свобода и собственность» наполнены глубоким смыслом» и судьбоносным содержанием...

Больше всего жертв было у самого многочисленного народа – русского. Взрывали не только храмы, взрывали в целом российскую государственность.

Кроме того, неумело проведенная в России после декабря 1991 года приватизация государственной (общенародной) собственности нанесла огромный ущерб не только благу миллионов российских граждан но и в целом – национальной безопасности. Главное сегодня – не создавать миллионеров и миллиардеров, что с «успехом» делается во многих государствах-членах СНГ. Ведь кучка долларовых миллиардеров (в России их свыше 60) это социальная база жесткого, антидемократического, даже авторитарного режима. Им противостоят 30 млн россиян, которые живут ниже официальной черты бедности. Надо создавать миллионы собственников как опору свободного демократического правового государства, т.е. средний класс (слой). Именно в этом была основа германского «экономического чуда» в 60-х годах XX века, сотворенного министром экономики ФРГ Л. Эрхардом – крупнейшим экономистом страны. Речь шла об акционировании. Владельцами акций крупных предприятий стали рядовые граждане, лица наемного труда, т.е. фактически они стали совладельцами фирм. В России же большевики обманули народ, который пошел за ними на революцию, не выполнили своих лозунгов «земля – крестьянам, фабрики – рабочим». В России, как и в целом в СССР, был фактически государственный капитализм, процветал подневольный труд. Это было и соответствующим образом регламентировано. Так, согласно декрету 1940 года, за прогул, увольнение с работы по собственному желанию, невыработку в колхозах минимума трудодней было предусмотрено лишение свободы. С 1940 года и по март 1953 года (смерть И.В. Сталина) по данному декрету, который был нивелирован в уголовном законе, было осуждено к лишению свободы около 6 млн граждан СССР [10, с.22].

Это была не правовая экономика, а командно-казарменная, обреченная на деградацию из-за отсутствия внутренних стимулов к труду.

В этом плане характерно, что в цивилизованных государствах мира из внутреннего валового продукта 70–80% идет в фонд заработной платы лиц наемного труда, а в советской России (как и в СССР в целом), притом в лучшие годы, когда мы не вели войны, из ВВП в фонд заработной платы шло всего 37–38%. Даже в царской России эти цифры составляли 52,5% (к слову, в современной России эти цифры – чуть больше 20%).

Отметим, что в 2007 году опыт привлечения к акционированию широких слоев россиян стал распространяться в деятельности Внешторгбанка и некоторых акционерных обществ, где преобладают

капиталы государства. Это – уже определенные положительные подвижки, которые можно рассматривать в качестве соответствующей тенденции.

В своей концепции правового государства И. Кант блестяще обосновал и развил ряд положений, высказанных еще его историческими предшественниками, в частности о гражданском обществе. При этом он опирался на труды великого аналитика античности Аристотеля. А Аристотель, не употребляя понятие «гражданское общество», обосновал, по сути дела его экономические, социальные, политические и юридические предпосылки [12, с.107].

Особого внимания в этом аспекте заслуживают положения учения Аристотеля о золотой середине как основной добродетели и, прежде всего, о среднем классе как социальной, экономической и политической основе полиса (общества-государства), о средней частной собственности.

Аристотель считал, что крайняя нищета развращает также как и богатство: оба крайние классы одинаково опасны для существования государства. Граждане же достаточные, по его мнению, положение которых занимает золотую середину между крайностями, служат на деле естественной опорой государства.

Эти положения Аристотеля и Канта исключительно актуальны как для современной России, так и для других постсоветских государств. Как известно, одновременно решается две судьбоносные для России задачи: формируется гражданское общество и строится правовое государство. При этом последнее может базироваться только на развитом гражданском обществе. В России в связи с рядом объективных и субъективных факторов отсутствуют многие предпосылки для формирования гражданского общества. Как известно, наличие гражданского общества обуславливают три основных критерия: политический, юридический, социально-экономический [13, с.16–17]. Политическим показателем гражданского общества выступает наличие демократического режима осуществления государственной власти. Речь идет о правовых способах осуществления власти, о демократических приемах воздействия на население, осуществления свободы личности, защите прав граждан, участия народа, политических партий в управлении государством. В России пока полудемократический режим с сильным «оттенком» авторитаризма, отсутствует реально функционирующая многопартийная система. Универсальным механизмом строительства гражданского общества выступает демократия. Однако, в связи с тем, что нет развитой политической системы в части ее негосударственных институтов, коэффициент полезного действия демократии не высок. Причем Россия «страдает» дефицитом народного

волеизъявления. Юридическим показателем гражданского общества является наличие правового законодательства. В данном аспекте Россия также далека от идеала. Не случайно, видимо, Президент России В.В. Путин отмечает, что ... «принятые законы часто противоречат друг другу. Будучи принятыми, не выполняются, постоянно подвергаются изменениям» [14, с.17]. Социально-экономическим показателем гражданского общества является наличие среднего класса. У нас этот класс (слой) составляет всего около 23% от всего общества, т.е. фактически мы находимся в стадии начала формирования. Лишь к 2020 году, согласно данным XI Петербургского экономического форума, долю среднего класса планируется довести до 50–55% [15].

Это свидетельствует о большом неравенстве в российском обществе. Цифры говорят сами за себя: преодоление «ловушки неравенства» для России – это критерий ее дееспособности как социального государства. С одной стороны, Россия – страна, где самыми высокими темпами в мире растет количество долларовых миллиардеров [16, с.13]: с 2005 по 2006 год их количество выросло, по данным журнала «Финанс», с 33 до 61, а сумма их активов возросла с 171 миллиарда долларов до 310. Кстати, золотой запас России составляет 450 млрд долларов, т.е. у российских миллиардеров – свой золотой запас. А с другой стороны, по данным Российской академии наук, за 15 лет реформ самые бедные стали в 2 раза беднее, а в целом 80% населения в материальном плане от реформ больше потеряло, чем приобрело [16]. При этом следует иметь в виду, что Стабфонд России составляет более 3 триллионов рублей, или 116,8 миллиарда долларов США. Как тут не вспомнить афоризм древних римлян: «Цифры не управляют миром, но они показывают, как управляется мир»...

Поэтому для нас по-прежнему актуальны и, более того, судьбоносны положения концепции правового государства И. Канта, которые успешно реализованы во многих странах мира. Именно в принципах Кант усматривает приближение к идеальному (правовому) государству, что является доминирующим для духа правления в той или иной конкретной стране. В этом контексте трудно согласиться с некоторыми современными исследователями наследия И. Канта, в трудах которых отмечается «каменно-ледяная догматика отца Канта» [17, с.48]. Подчеркивая «долженствование» принципов правового государства, как необходимого условия существования единственно правильного государственного устройства, И. Кант сводил это не к схоластике, не к догме, а к непремennomу внедрению правовосударственных принципов, как основы основ, своей концепции правового государства.

И сегодня правовое государство – не только одна из социальных ценностей, призванных утверждать гуманистическое начало, справедливость, но и институт обеспечения и защиты свободы, чести и достоинства личности, средство борьбы с бюрократией, местничеством, формой осуществления и существования народовластия [18, с.4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Isensee, J. und Kirchhof, P. Handbuch des Staatsrechts der BRD. Heidelberg, 1987.
2. Кант, И. Собрание сочинений: в 6 томах / И. Кант. Т. 6. М.: Мысль, 1963–1966.
3. Кант, И. Собрание сочинений: в 6 томах / И. Кант. Т. 4.–4.2.
4. Welcker, C. Th. Die letzten Gruende von Recht, Staat und Strafe. Giessen, 1813. I. Buch, Kap. 6.
5. Aretin, von, J. Christ. Staatsrecht der konstitutionellen Monarchie, Bd.I Altenburg, 1824.
6. Mohl, von, R. Das Staatsrecht des Koenigreichs Wuerttemberg, Bd.I, Tuebingen, 1829.
7. Новгородцев, П.И. Лекции по истории философии права. Учения нового времени XVI–XIX века / П.И. Новгородцев. М.: Высшая школа, 1914.
8. Соколов, А.Н. Гражданское общество и важнейшие гаранты его стабильности: Монография / А.Н. Соколов. Калининград: КЛЮИ МВД РФ, 2005.
9. Геллнер, Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. М., 1995.
10. Соколов, А.Н. Закон в российской правовой мысли. Монография / А.Н. Соколов, Ю.Н. Бабенко. Калининград: КЛЮИ МВД России, 2007.
11. Кистяковский, Б.А. Государство правовое и социалистическое / Б.А. Кистяковский // Вопросы философии и психологии, 1906. №85.
12. Дробязко, С.Г. Общая теория права. Учебное пособие для вузов / С.Г. Дробязко, В.С. Козлов. Минск, 2003.
13. Соколов, А.Н. Гражданское общество и важнейшие гаранты его стабильности. Монография / А.Н. Соколов. Калининград: КЛЮИ МВД России, 2005.
14. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства». Стенограмма выступления. М., 2002.
15. Эко диво // Российская газета. 2007. 14 июня.
16. Зорькин, В. Стандарт справедливости / В. Зорькин // Российская газета. 2007. 8 июня.
17. Казакова, С. Стефан Цвейг / С. Казакова. Таллин, 1991.
18. Тихиня, В.Г. Правовое государство как национальная идея Республики Беларусь / В.Г. Тихиня // Юридический журнал. 2005. №1. С. 4–9.

SUMMARY

The Constitution of Russian Federation (article 1) proclaims Russia a legal state. However this is a long-term strategic programme. Russia is currently in a transition period from totalitarianism to a democratic and legal state. The author believes that this transition period may last several generations. At the same time the statement made by a well-known lawyer S.A. Kotlyarevsky in the beginning of the 20th century («The idea of a legal state has been used by modern civilized states and the belief that a state should assume the image of a legal state says firm») is still very topical for our society. This confidence is based on the life-asserting force of the ideas of Kant. The article is dedicated to the crucial importance of the ideas of Kant about a legal state.